

Служанка поняла, что её похвалили за умение вовремя проявить покорность, и с улыбкой ответила:

— Я глупа и не заслуживаю похвал князя.

Улыбка Синь Линьхуа стала глубже. Он открыл письмо и, лишь бегло взглянув на содержимое, сразу понял, что всё было так, как он и предполагал. Его лицо выразило лёгкое удивление:

— Судя по письму, ваша госпожа... хочет, чтобы я лично вывез её из особняка Гу в мою княжескую резиденцию?

Служанка не осмелилась поднять глаза, чтобы увидеть его выражение, но зная примерное содержание письма, тут же кивнула:

— Ваше высочество, именно так она и хочет. Что вы на это скажете?

Синь Линьхуа глядя на подвеску и письмо, размышлял, что в этом есть доля правды. К тому же, с умом и прямым характером Гу Хайтан она вряд ли стала бы устраивать такую ловушку. Однако после сегодняшнего урока с Гу Чжису он не мог не относиться со подозрением ко всем из клана Гу:

— Это письмо написано вашей госпожой после долгих размышлений или...

Служанка, словно ожидавшая такого вопроса, не выказав ни тени беспокойства, тихо ответила:

— Не буду скрывать от вас, ваше высочество. После инцидента в сливовой роще положение моей госпожи в доме стало невыносимым. Родители и старший брат относятся к ней с жестокостью и даже хотят её смерти. В страхе она вспомнила о вас и поручила мне умолять вас скорее спасти её, иначе боится, что вскоре в клане Гу не станет законной дочери главной ветви.

Услышав слова служанки о том, что родители и брат немилостивы, Синь Линьхуа сразу понял, к чему она ведёт. Он подумал, что таков обычай знатных родов при обращении с дочерью, потерявшей чистоту. Гу Хайтан осознала это лишь сейчас, что говорило о её наивности по сравнению с хитростью того сына наложницы. Неудивительно, что она стала жертвой его интриг и до сих пор не понимает, в каком положении оказалась. Перед глазами вновь всплыла картина сегодняшнего придворного пира: он хотел принудить Гу Чжису, а тот лишь странно улыбнулся, после чего перед Синь Линьхуой всё померкло. Уголок его рта непроизвольно дёрнулся, но через мгновение он вернул себе обычное выражение лица. Голос его стал намного мягче, в нём слышались убеждающие нотки:

— Они действительно хотят жизни Хайтан... Что ж, раз Хайтан теперь моя, пусть она пока и не питает ко мне любви и это лишь временный союз, я готов принять её.

Синь Линьхуа говорил это, кладя нефритовую подвеску бегонии на стол. Он на ощупь достал из-под стола шкатулку, извлёк оттуда нефритовую пластинку с вырезанными иероглифами «Минхуа» и протянул её служанке, kneeling перед ним:

— Верни ей этот знак. Пусть через три дня найдёт sposób тайно покинуть пределы внутреннего двора. Я обязательно спасу её и помогу бежать.

Служанка, увидев нефритовую пластинку, поняла, что дело сделано, и её лицо озарилось радостью. Она поспешно поклонилась Синь Линьхуа:

— От имени моей госпожи благодарю ваше высочество за великую милость.

Синь Линьхуа глядя на эту служанку, не мог не подумать, сколько в клане Гу проникательных людей, а таких как Гу Хайтан — совсем мало. Видимо, воды в этом клане глубоки: снаружи ничего не заметно, но стоишь войти — и тебя, скорее всего, затянет на дно. Он махнул рукой, давая понять, что она может уходить:

— Не стоит. Ступай.

Едва фигура служанки скрылась из виду, чёрный охранник вышел из тени и, низко поклонившись, робко спросил:

— Хозяин, а тот Гу Чжису...

— Обстоятельства изменились, так что с убийством Гу Чжису можно пока повременить.

Синь Линьхуа смотрел на лежащую на столе подвеску с цветком бегонии, и его взгляд становился всё более глубоким и мрачным. Хотя он говорил, что откладывает это дело, убийственный блеск в глазах нисколько не ослабел. Он медленно провёл пальцем по поверхности стола.

— Через три дня, когда ты поедешь забирать Гу Хайтан, прикажи людям прикончить его попутно. За эти дни ты как раз проведёшь расследование. Я не верю, что Гу Вэньмянь может так сильно ценить одного лишь сына наложницы и выделит ему столько бойцов клана Гу!

Чёрный охранник на мгновение замер, затем в его глазах промелькнул скрытый огонь. Подвеска бегонии действительно была от Гу Хайтан, но это не значило, что Гу Вэньмянь так быстро прогнётся под его хозяина из-за дочери. Теперь, когда Синь Линьхуа хотел убить Гу Чжису, это было во-первых из мести, а во-вторых — открытым вызовом Гу Вэньмяню.

Вспомнив того, кто сегодня охранял Гу Чжису — молодого человека с приятными чертами лица, владеющего боевыми искусствами, по имени Шуанцзы, а также спокойную улыбку самого Гу Чжису, чёрный охранник подумал, что люди вокруг этого сына наложницы не похожи на бойцов клана Гу. Скорее, они были личными людьми Гу Чжису. Но как у сына наложницы могла оказаться такая сила?

То, что он смог скрыть от Синь Линьхуа факт своего оскорбления хозяина, целиком зависело от афродизиака, который он поджёг в зале после того, как Синь Линьхуа потерял сознание, а также от Герцога Чжунъи, который по какой-то причине ворвался внутрь, увидел обнажённого и без сознания Синь Линьхуа и, не раздумывая, набросился на него. Но если это действительно Гу Чжису привёл Герцога Чжунъи, используя такие изощрённые методы и не оставив следов, да так что ни Синь Линьхуа, ни Герцог ничего не заподозрили, то способности Гу Чжису требовалось переоценить.

Он глубоко поклонился Синь Линьхуа, опустив взгляд, чтобы скрыть выражение лица:

— Слушаюсь и повинуюсь.

Когда экипажи клана Гу остановились перед воротами особняка, небо уже потемнело, приближался вечер. Гу Хайчао помогал госпоже Синь сойти с экипажа и оглянулся: у главных ворот он заметил край женского платья с узором цветка бегонии. Госпожа Синь тоже это увидела, и они переглянулись. Прежде чем госпожа Синь успела что-то сказать, робко показалось лицо Гу Хайтан.

Увидев это благородное красивое лицо и полные страха глаза, госпожа Синь с трудом заставила себя улыбнуться, но улыбка вышла неискренней. В глазах же Гу Хайчао читалось явное отвращение. Его отношение к Гу Хайтан после возвращения изменилось на прямо противоположное: он лишь скользнул по ней взглядом и больше не посмотрел.

Гу Хайтан прятала половину тела за дверью. Когда её взгляд встретился со взглядом госпожи Синь, её глаза потемнели. Увидев нетерпеливый вид Гу Хайчао, она так сильно сжала пальцы в рукавах, что они побелели. Но когда она заметила служанку в конце процессии, которая незаметно кивнула ей, уголки её губ вдруг поднялись в улыбке.

Гу Хайчао проводил взглядом, как госпожа Синь сходит с экипажа, затем обернулся к Гу Вэньмяню, который только что спешил. Они обменялись взглядами, и Гу Хайчао собрался было подойти к отцу, как краем глаза заметил, что тот, нахмурившись, даже не поздоровавшись с госпожой Синь, быстро прошёл в ворота, даже не заметив стоявшую совсем рядом Гу Хайтан. Гу Вэньмянь, опустив голову, быстрыми шагами направился к главному двору — видимо, ему нужно было срочно видеть Старую госпожу.

Гу Хайчао и госпожа Синь одновременно почувствовали неладное. Мать и сын, позабыв о других, поспешили следом за Гу Вэньмянем. Гу Хайтан, хотя мать и брат не окликнули её, сохранила вид образцовой послушной дочери: она поклонилась им, когда те вошли, а затем с служанкой направилась обратно к своему двору Линьцзян.

Гу Чжису как раз в это время, опираясь на Ляньчжу, сходил с экипажа. Легко наступив на спину слуги, он спустился на землю и успел увидеть лишь финал этой сцены. На его губах появилась задумчивая улыбка. Он оглянулся на молчаливого всю дорогу Гу Чжихуая, в конце концов лишь тихо вздохнул и, ничего не сказав, вместе с Ляньчжу и Ху Цинь-эр повернул towards дорожку, ведущую к двору Жунли.

Едва он вошёл в ворота двора Жунли и опустился на сиденье за столом, выпив чашку тёплого чая, Ляньчжу поспешно вошла снаружи и, низко поклонившись, протянула Гу Чжису бамбуковую трубку. Внутри трубки лежала узкая полоска шёлка.

Лишь опустив глаза и пробежав её взглядом, Гу Чжису презрительно усмехнулся. Взглянув на медный таз, который подала Ху Цинь-эр, он поджёг шёлковую полоску от свечи и бросил её в воду. Затем он встал и провёл пальцем по белой нефритовой чаше с изображением цветка груши:

— Через три дня? И вправду не терпится.

Не успел он договорить, как резко поднял голову, и его взгляд стал острым, как клинок:

— Прикажи трём главам Цюньхуа и Хань Яню немедленно явиться ко мне!

Ляньчжу и Ху Цинь-эр, услышав это, моментально стали серьёзны:

— Слушаемся, хозяин.